

Казыбекова С.
 КГУ им. И. Арабаева
 Бишкек, Кыргызстан
S.Karybekova
 I. Arabaev KSU
 Bishkek, Kyrgyzstan

**В. ШАЛАМОВДУН «КОЛЫМА ДЕПТЕРЛЕРИ»
 «ЛАГЕРДИК ПОЭЗИЯСЫНЫН» КОНТЕКСТИНДЕ**

**«КОЛЫМСКИЕ ТЕТРАДИ» В. ШАЛАМОВА
 В КОНТЕКСТЕ «ЛАГЕРНОЙ ПОЭЗИИ»**

**«KOLYMA NOTEBOOKS» OF V. SHALAMOV IN
 «CAMP POETRY'S» CONTEXT**

Аннотация: Бул макалада В. Шаламовдун чыгармачылыгын изилдөөсүнүн бир аспектиси чагылдырылат. Макаланын автору «лагердик поэзиясынын», контекстинде В. Шаламовдун лирикасы каралган, жалпы мүнөздөмөсүн берет. М.Т менен алектене турган шартында, «Поэзия конуштун» сүрөттөмөсүн берет. В. Шаламовдун «Колыма дептер» жыйындысынын негизги темалары анализденет.

Негизги сөздөр: «лагери поэзиясы», «Колыма дептер», прокуратура, соттолгондор, тоталитардык система.

Аннотация: Данная статья отражает один из аспектов исследования, посвященного творчеству В.Т. Шаламова. Автор статьи дает общую характеристику «лагерной поэзии», в контексте которой рассматривается лирика В. Шаламова. Анализируются основные темы сборника «Колымские тетради».

Ключевые слова: «Лagerная поэзия»; «Колымские тетради»; обвинение; арестанты; тоталитарная система.

Annotation: This article reflects one of the aspects of the study devoted to the work of V.T. Shalamov. The author of the article gives a general description of «camp poetry», in the context of which the lyrics of V. Shalamov are considered. The main themes of the collection Kolyma Notebooks are analyzed.

Key words: «Camp Poetry», «Kolyma Notebooks», accusation, convicts, totalitarian system.

Поэтическое наследие В.Т. Шаламова представлено сборником «Колымские тетради» (1937–1956 гг.), который включает в себя шесть книг: «Синяя тетрадь», «Сумка почтальона», «Лично и доверительно», «Златые горы», «Кипрей» и «Высокие широты». В общей сложности в сборник вошло около пятисот стихотворений, написанных на Колыме и восстановленных по памяти из числа более ранних.

«Колымские тетради» – один из примеров «лагерной поэзии», феномена не вполне изученного и не всем понятного. «Лагерную поэзию» можно условно разделить на «литературу свидетельства» и литературу «седьмого неба» (определение введено этнографом и писателем Н. Гаген–Торн, арестованной по сфабрикованным обвинениям и отбывавшей срок на Колыме).

Условия, в которых оказались писатели и поэты в заключении, были таковы, что поэзия стала практически единственной возможной формой творчества. Н. Гаген–Трон в воспоминаниях о лагере так определила роль поэзии: «Стих, как шаманский бубен, уводит человека в просторы Седьмого неба. Такие мысли, совершенно отрешавшие от происходившего, давали мне чувство свободы».

Лагерная поэзия имеет, как минимум, две ветви: одна – своего рода подпольная; вторая – официальная, получившая право на существование в лагерных поэтических сборниках и периодической печати. Официальная поэзия формируется уже в 1920–е годы: например Управлением Соловецких лагерей в этот период выпускается журнал «Соловецкие лагерь», в

котором публикуются стихотворения, и прославляющие партию, и на вольные темы. Тайная поэзия существовала прежде всего в сознании самих узников. Стихи запоминали по первым строчкам, ежедневно повторяли, при возможности записывали на клочок бумаги, при угрозе обыска уничтожали.

Творчество поэтов разных поколений, разной социальной принадлежности представляет общую «документальную» картину лагерной жизни. Однако, по мнению В. Франки, даже в условиях физической несвободы человек свободен в выборе: остаться достойным или в ожесточенной борьбе за самосохранение стать не более чем животным: «человек не свободен от условий, но он свободен, занять позицию по отношению к ним». Данная тенденция четко прослеживается в лагерной поэзии. «Истинный путь есть путь духовного освобождения от «мира», освобождение духа человеческого из плена необходимости» [3, с. 39]. Поэзия стала для многих заключенных «путем духовного освобождения от «мира»: «Поэзия теперь все заменила: / Свободу, веру и любовь, / Одна она лишь греет кровь, / Одна она вселяет силы» [6, с. 863].

По верному замечанию Нины Гаген–Торн, «из мира безумия спасало умение уйти в себя» [4, с. 246]. В. Шаламов в рассказе «Афинские ночи» свидетельствует о том, что тяготение к поэзии приравнялось к первостепенным физическим потребностям, например, потребности в еде. Под таким углом зрения можно рассмотреть его поэтическое наследие.

Надежда «подняться из гроба» постоянно звучит в лагерных стихах В. Шаламова. Это реализуется, прежде всего, через обращение к традиционным для русской поэзии темам: творчества, любви, природы, жизни и смерти.

Поэзия, ее предназначение, смысл – постоянная тема колымской лирики Шаламова. Тема поэта и поэзии является традиционной для русской литературы: каждому художнику свойственны размышления о назначении творчества. Единогласно признавая неординарность личности поэта, задачи поэзии мастера слова определяют исходя из эстетических и политических взглядов. Как и классики Золотого и Серебряного веков, В. Шаламов сосредоточил свое внимание прежде всего на вечной миссии поэта: сохранить в человеке душу, обратить его взор к небу.

Обращение к миру поэзии в стихотворениях «Я беден, одинок и наг» [9, с. 7] и «Поэту» [9, с. 62] происходит в обстановке «за-человечности». Лирический герой – один из «доходяг» «Колымских рассказов» Шаламова. Он испытал все ужасы лагерной жизни: «И бронхи рвет мои мороз / И сводит рот. / И, точно камни, капли слез, / И мерзлый пот» [9, с. 7].

Скупые бытовые детали («мороз, что ногти с мясом вырвал», пытки, «что применяются в аду») помогают создать образ мира, враждебного человеку, уничтожающего все человеческое. Это атмосфера, в которой человек низводится до состояния животного: «Я ел, как зверь, рыча над пищей ., / Я пил, как зверь, лакая воду». Предметная часть значима не сама по себе: она представляет развернутую метафору, которая вызывает ассоциации, связанные с прозой писателя.

Однако во второй части стихотворения «Поэту» картине распада противопоставлен мир «человеческий». Его образ получает развитие вместе с развитием темы поэзии. Она звучит сначала робко, как воспоминание о процессе творчества: «Казался чудом из чудес / Листок простой бумаги писчей, / С небес слетевший в темный лес» [9, с. 62].

Но настоящее чудо – это способность воспринимать, чувствовать поэзию. Творит это чудо поэт, образ которого лишь намечается во второй части – «и снова слышал голос твой». Это может быть и голос пушкинского пророка, призывающего «глаголом жечь сердца людей», и голос «провидческий, нетронутый распадом» лирического героя Пастернака. Не важно, кому он принадлежит, главное, что он помогает лирическому герою ощутить связь с жизнью, не подверженной «разложению».

Картинам распада противопоставлен мир «человеческий». «Молитва», «живая вода», «образок», «путеводная звезда» – эти образы ассоциируются у героя с чудом, надеждой на воскресение и сохранение души: «И я шептал их, как молитвы, / Их почитал живой водой, / И образком, хранящим в битве, / И путеводною звездой» [9, с. 62].

В минуту слабости или душевной боли человек обращается к Богу. Молитва – не только попытка быть услышанным Всевышним, но и отказ от всего суетного, несущественного. В стихотворении с психологической проникновенностью передается состояние «душевного просветления». Преображение лирического героя связано с миром «сравнений, образов и слов», т.е. миром поэзии. Стихи – это и живая вода, и молитва, и образок, и путеводная звезда. «Они единственную связь / С иною жизнью были там, / Где мир душил житейской грязью / И смерть ходила по пятам» [9, с. 62].

Отступают на второй план бытовые детали, образ лагерного мира передается через образы-символы: «жгучий камень», «выюги заметь», «всевидающий лед». Меняется звучание стихотворения: «спасительное слово» делает голос лирического героя уверенным. Он обретает жизненную опору.

Поэзия противостоит смерти, распаду. Поэзия помогает в мире «за-человечности» сохранить живую душу:

Поэт способен преобразить даже мир распада: «затхлый воздух мира» превратить «в озон», спасительный кислород. «Растут в ночи среди народа, / Его целебные слова. / Он – вне времен. Он – вне сезона. / Он – как сосновый старый бор, / Готовый нас лечить озоном / С каких-то очень давних пор» [8, с. 97].

Состояние лирического героя часто раскрывается через образы природы. В отличие от прозы, в поэзии особую роль играют образы-символы. Благодаря повышенной субъективности авторского сознания они несут в себе не только предметное, вещественное наполнение, но и приобретают переносное (символическое – в широком смысле) значение. Прав Михаил Эпштейн, который, размышляя о поэзии, приходит к выводу: «О чём бы ни хотел сказать поэт, ничто не заменит ему образов, взятых из природы: вода и огонь, цветок и звезда» [10, с. 47]. Природные образы-символы обладают повышенной экспрессией, поэтому они, как правило, сигнализируют о тех ценностях, которые поэт предполагает для читателя обязательными, пытается внедрить в его сознание. Как справедливо отмечает литературовед Б. Корман, для лирики характерна «нормативная функция, оценка носит по преимуществу прямой характер», то есть «объект открыто и непосредственно соотносится с представлениями субъекта о норме» [5, с. 22].

Пейзажная лирика В. Шаламова – это единство двух начал. С одной стороны, представлена реальная колымская природа, которая окружает лирического героя. С другой стороны, поэтическое воображение движется к вечности, и природа становится символом высшего мира, обретает нетленную плоть.

Реалистические картины сурового севера создаются скупыми деталями, развернутых описаний почти нет: «Ни травинки, ни кусточка, / Небо, камень и песок. / Это северо-восточный / Заповедный уголок» [8, с. 16].

Чем безрадостнее реалистический пейзаж, тем контрастнее и ярче кажутся картины «долагерной» жизни: «И осталось так немного / В бедной памяти моей – / Васильковые дороги / В красном солнце детских дней...» [8, с. 15].

Стремление к новым впечатлениям, охваченность жаждой свободы, стихийное чувство воли, когда душа стремится к постижению внутренней и внешней свободы, выражено в поэзии В. Шаламова через жизнеутверждающие мотивы.

Так, например, в «Синей тетради» сквозным мотивом является мотив весны: «Замолкнут последние выюги, / И, путь открывая весне, / Ты югом нагретые руки / Протянешь на север ко мне .»; «Я вижу тебя, весна, / В мое двойное окошко...» Приобщение к стихии жизни, питающей душу новыми впечатлениями, непосредственно подготавливает ее обновление.

Весна воспринимается лирическим героем не только как время года, столь долгожданное на Колыме, но и как символ иного мира, далекого от ужасов каторжной жизни. Вечная весна – один из образов поэзии «седьмого неба». «Рассейтесь, цветные туманы, / Откройте дорогу ко мне / В залитые льдами лиманы / Моей запоздалой весне» [8, с. 9].

Шаламов воспринимает природу целостно, как живой организм, находящийся в постоянном движении. При этом каждый ее миг проявляется конкретно. В миге отражается

самое яркое прикосновение к сущности и к истине, воскресает безграничная мощь творческих стихий. Поэта неумолимо влечет небо. «По скалам за кабаргою / Выйдем выше облаков. / Облака – подать рукою, / Нужен мостик из стихов [8, с. 9].

Небо выступает в качестве ориентира, цели лирического героя. «Я, как рыба, плыву по ночам, / Поднимаюсь в верховье ключа. / С моего каменистого дна / Мне небес синева не видна...» [8, с. 80].

Интересен в этом контексте и образ сосны. «Пахнут медом, будущие бревна – / Бывшие деревья на земле, / Их в ряды укладывают ровно, / Подкатив к разрушенной скале. / Чем живут в такой вот час смертельный / Эти сосны из покон веков? / Лишь мечтой быть мачтой корабельной, / Чтобы вновь коснуться облаков!» [8, с. 97].

Сам В. Шаламов в комментарии к стихотворению «Сосны срубленные» отмечает: «У меня много стихотворений о соснах, хотя сосен на Колыме почти нет. Дерево Колымы – лиственница» [8, с. 270]. С чем связан интерес поэта к этому образу? Скорее всего, ответ нужно искать в его символическом значении. Например, в Китае сосна – символ долголетия и постоянства, поскольку даже в зимний холод она не теряет своих иголок. В иконографии сосна – символ жизненной силы, а также непоколебимости, проявленной за время долгой жизни. Так содержание пейзажных стихотворений соотносено с мироощущением и философией самого автора.

Мысль о противопоставлении жизни и смерти, звучащая в пейзажной лирике, в частности в стихотворении «Сосны срубленные», намечает размышления поэта о силе человеческой натуры. Секрет стойкости В. Шаламов видит не только в индивидуальных особенностях личности, но и в менталитете русского человека. В этом смысле не случайно его обращение к исторической теме: «В русской истории наибольшую твердость, наибольший героизм показали старообрядцы и раскольники. Вот о них – то и написана «Боярыня Морозова», о них – то и написано «Утро стрелецкой казни», и моя маленькая поэма «Аввакум в Пустозерске» [8, с. 269].

Комментируя поэму «Аввакум в Пустозерске», В. Шаламов подчеркивает: «Формула Аввакума здесь отличается от канонической. <.> исторический образ соединен и с пейзажем, и с особенностями авторской биографии». Образ Аввакума дается не в традиционном церковном контексте. Обращение к истории в данном случае – один из вариантов приобщения к «вечности», способ противостоять лагерному распаду.

Анализ основных тем «лагерной поэзии» В. Шаламова, дает возможность рассматривать лирику поэта не только как философское осмысление тоталитарной системы в целом и лагеря как ее части, но и продолжением традиций классической поэзии.

Литература:

1. Гаген–Торн Н. Из книги воспоминаний // Огонек. – 1989. – №49. – С. 10–14.
2. БАМЛag в контексте истории и литературы: из фондов дальневосточных библиотек. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2000. – 231 с.
3. Бердяев Н.А. Смысл творчества // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры, искусства: В 2 т. Т. 1. – М.: Искусство, 1994. – 510 с.
4. Гаген–Торн Н.И. Memoria / Сост., предисл., послесл. и примеч. Г.Ю. Гаген–Торн. – М.: Возвращение, 1994. – 415 с.
5. Корман Б. О. К методике анализа слова и сюжета в лирическом стихотворении // Вопросы сюжетосложения. Сб. ст. – Рига, 1978. – С. 22–28.
6. Поэзия узников ГУЛАГ а: Антология / Сост. С.С. Виленский. – М.: МФД: Материк, 2005. – 992 с.
7. Франки В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1980. – 300 с.
8. Шаламов В. Т. Колымские тетради. Стихи 1937–1956 гг. Комментарии. – М.: Версты, 1994. – 287 с.
9. Шаламов В. Т. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3: Стихотворения. – М., 2005. – 512 с.
10. Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной. ...» Система пейзажных образов в русской поэзии. – М.: Высшая школа, 1990. – 302 с.

Рецензент: филол. илимд. канд., доцент Каратаева С.К.